

December 26-31, 2017

Greetings Misha:

For about a week now I have been reading the *Encyclopedia of Youth*. I skimmed through the text first, made my way to the afterword, then cycled back to the beginning and read the text closely, twice. The exercise gave me much food for thought, as well as the pleasure of coming to know you better.

What follows is a medley of notes and reflections occasioned by the dual autobiography (Abio) that Mikhail Epstein (ME) and Sergei Iourienen (SI) teamed up to write. I start by comparing the two editions of Abio, touch upon the issues of memoir ethics, focus on the co-authors' distinct self-memorialization styles, then relate the thesaurus-minded and narrative-driven approach to the biocritical hermeneutics I developed to study auto/biographical discourse. A few thoughts on our respective research agendas round up my notes.

* * * *

Your book has evolved since the first edition published in 2009. Most changes simply augment what you did before, but substantive differences are notable too. The new edition is more than a hundred pages longer. It introduces new rubrics and drops previously indexed categories. It reveals certain characters' names anonymized before. The penultimate section “Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов” has been removed from the 2018 edition, which sports a new essay “Жизнь как нарратив и тезаурус”. Not sure why the former was deemed dispensable, since both are central to your endeavor. (The 2018 edition tells the reader, “См. Послесловия. К ФИЛОСОФИИ ВОЗРАСТА” – but no such section is found in the text.)

Among the categories added to the list in the new edition are одиночество, сексуальность, поэзия, опыт. “Соиспускание” is replaced with “сописание”. “Селин” yields his place to “Евтушенко” in the section “Литература” while the note on “Бахтин” is supplemented with “Бахтинские сироты”. Another category is added to this segment – “культура”. There is no separate item for “эмиграция” or “иммиграция”, though the index mentions “отъезд” and “Запад”. Nor do we find entrees on “брак”, “семья”, “развод”, “отцовство”, “дочь”, “сын”. The section “пол” now renamed “сексуальность” has nearly doubled in size. The conceptual cluster “Политика” swelled from 12 to 20 items in the latest edition where it is renamed “Общество, политика”. This class now includes itself as its member, bringing to mind the Russell paradox that derailed Gottlob Frege's program of developing a self-containing system of mathematics. Such logical solecisms are found in other sections.

Not that any of that matters much. Yours is not an exercise in logic, an attempt to achieve completeness and maximize self-consistency. The authors are free to add to and drop items from the menu without justification. Still, a comparison between the two editions is instructive. It shows that the material assembled in your Abio could be ordered differently, that the thesaurus capturing your experience is an index of names and subjects more than a map for navigating vast

self-terrain. To be sure, certain abio tokens would find a place on any list compiled by people from your cohort. However, many would not.

Take the entree “поэзия”. It features a short paragraph written by ME and even shorter one by SI. There is no place for “prose” in your thesaurus, even though you have a lot to say about it in Abio. The subject is intimately known to both of you, quintessential prose writers. “Вот моя основная профессия — гнать вперед прозаическую строку”. “Проза так промыла мне глаза, что больно от новой зоркости” (IS 343, 168). Pages are written in your diaries about learning the literary craft and the art of self-expression, which doesn’t earn the category “prose” an honorable mention in the thesaurus.

Another example – “несчастье”. There is a brief, touching vignette about the ambivalent feelings you experienced in Donskoy monastery – “несчастье очищает, просветляет, толкает за предел себя” (ME 269). Sergei added two pointed sentences to this section: “А может быть, несчастье уже в отсутствии счастья?” and “Главным несчастьем был Советский Союз” (IS 269). In the Abio the word “несчастье” occurs 6 times, its cognates – 6 more times. By contrast, “счастье” – the category missing in the thesaurus – crops up 16 times, its cognates – 11 times. And the mentions are hardly inconsequential.

While Abio features many painful episodes in the co-authors’ lives, it also brims with the instances of sublime pleasure and true happiness. “Огромное счастье, когда любимая вдруг смотрит мимо тебя бессмысленными, отсутствующими, животными глазами” (ME 406). “Молчать всегда и везде и только думать, смотреть — какое счастье! (ME 241). Sergei invokes “состояние любви, которое дает, конечно, все возможное и невозможное счастье в мире” (IS 223). Here is another observation hinting at recurrent happiness: “Возможно, самое сильное счастье — предписательское — познано на тех одиноких рейсах возвращения на Ленинские горы через всю Москву — а заодно и мимо темного и узкого устья перпендикуляра твоей, Миша, улицы” (IS 24).

You and Sergei are keenly aware of the relative nature of happiness and unhappiness – “Счастье и несчастье нашей юности в том, что она прилась на старческое время, конец 1960-х — начало 1970-х” (ME 490). Yet, only the latter is enshrined in the thesaurus of youth. This is not a willful omission, more like a misrecognition of what is salient in one’s experience.

The undercategorizations cited above are harmless, even if they suggest that the autothesaurus you compiled is incomplete, that some lived experience gleaned from the pages of Abio might have escaped a categorization. More problematic are instances where the writers gloss over major biographical domains and critical events in their lives.

Notable in Abio is the lack of info about your departure from the U.S.S.R., other than the year you left the country. It is all the more glaring when compared to an extended narrative Sergei offers in the section titled “отъезд”. I was also struck by the fact that the book includes no pictures of Misha’s “family of cohabitation,” as sociologists call it, only his family of orientation. An attentive reader will spot this passage on page 166: “Запись конца 1974 г., меньше чем за два месяца до встречи с будущей женой: «Я ищу женщину, которая стала

бы мне ученицей по уму и наставницей по сердцу».” Elsewhere we read, “Когда у меня родилась дочь, я переиначил эту заповедь: «возлюби ближнего как свое дитя»” (ME 486). So, you have married, become a father in your youth, and – chose to gloss over these formative biographical developments. To find out about Lena, Olia, and Mitia readers would have to consult other publications by Mikhail Epstein.

Although Sergei gives much more attention to his family situation, his tale is also incomplete. The text offers no straightforward chronology, but from various clues one gathers that SI was born in January of 1948, met his wife in the summer of 1972, became a father in May of 1973, and had two more children in close succession. When did the parents chose to tie the knot? It can be gleaned from the picture of ME and SI bearing a caption informing the reader that it was taken on the day of Sergei’s marriage – June 14, 1974. So, Anita was born about a year before the parents obtained a marriage license – a courageous decision indeed. Why did Sergei and Aurora choose to formalize their relationship at this point is unclear. It could have been love, the need to secure the daughter’s legal status, the mounting pressure from KGB, the increasingly strong desire to emigrate, or a combination of the above.

Hints pop up on page 224 where Sergei links his family situation to the Solzhenitsyn’s expulsion from the U.S.S.R., to “непоправимое прошлое СССР — в унисон автору «Архипелага ГУЛАГ», как раз в тот год высланному из страны, где мы с Ауророй вынужденно бракосочетались (а в Париже вряд ли стали бы формализовать отношения, жили бы «просто так» и «до тех пор, пока»”. A lot is packed into this passage, which suggests among other things that this was a marriage of convenience, for one or both sides. But then another sentence casts doubt on this interpretation: “Мне — нам с Ауророй — не удалось сохранить наш юношеский брак . . . Никогда не верил в возможность подобного финала наших отношений” (SI 480). Further complicates the matter Sergei’s reference to “моей любимой американской жене” (SI 375) that comes out of nowhere and is left hanging in the air. Perhaps these questions will be answered in the *Encyclopedia of Adulthood*, if such is ever written.

Let me be clear that I raise these nosy questions not because I am entitled to answers. The authors owe nobody full reckoning of what happened in their lives – except to themselves. I ask as a researcher interested in memoir ethics and the theory of auto/biographical discourse, someone who struggled with these issues a lot and came to doubt our ability to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth in an abio. Hence, the following sentiment, noble as it is, might be unrealistic: “Написать автобиографию или мемуары, но только доподлинно как было. Ничего от лукавого ни до, ни после точного воспоминания, соответствующего правде жизни” (SI 173). Jean-Jacque Rousseau attempted that much in his *Confessions*, and fell short of his aspirations. Just as his predecessor St. Augustin did centuries earlier.

All autobiographical accounts are radically incomplete. No matter how hard we try, there will be holes in our tales – missing links, strategic evasions, fudged self-interpretations. This is not just a matter of good intentions and moral fortitude, important though these are in self-reckoning. There are limits – ethical, psychological, ontological – which seem impregnable and which require special strategies to get around them.

* * * *

Take the issue of protecting identities of the folks you talk about in your Abio. This is the problem of “anonymization,” as it is known in ethnography. It poses special difficulties for scholars engaged in participant observation as well as writers of memoirs and autobiographies. A recent example is the study of African Americans in trouble with the law conducted by Alice Goffman, daughter of the famous sociologist Erving Goffman. The Ph.D. thesis she defended and the book *On the Run* she subsequently published received all sorts of accolades – at first. The press had soured when it transpired that the author didn’t do enough to protect the anonymity of her subjects, who were tracked by journalists. The follow-up investigations cast doubts on some of Goffman’s supposedly factual accounts and raised questions about possible breaches of ethics in her fieldwork. This case is discussed in the forum of the [International Biography Initiative](#) (Cogitu.ru posted [my take on the Alice Goffman controversy](#)). As memoirists intent on capturing historical events and contemporary personas, you face kindred issues.

The Encyclopedia of Youth abounds with names of real people – some fully identified, others partially revealed, still other referred to by a single letter to preserve anonymity. ME’s diary entree for October 31, 1967, mentions informers swirling around him in college, some shady charters identified by their names, “много стукачей: Биндерман, Золотов” (MI 141). OK, the country must know its heroes, no anonymity for the likes of Bindrman and Zolotov. But what about Slava Poruskin who volunteered to introduce MI to the joys of autoeroticism? “Правда, приходил ко мне несколько раз в гости жалкий одноклассник, двоечник Слава Парушкин (это был 5-й класс), и при мне занимался онанизмом, но я слабо понимал, что он делает, и старался поскорее его выпроводить” (MI 309). Imagine how Slava would have felt if he came across this tidbit reminding him of his sexual precocity.

Sergei is more circumspect in his rendering of a similar episode: “Главная тайна детства-отрочества была на букву «О». Онанизм, рукоблудие. Жгуче-постыдные слова. Все «занимались», никто не признавался. Кроме Андрюши Б., — в том же 5-м классе, так же, как твой двоечник, он производил манипуляции, прикрывшись полрой пальто и бросая на меня проверочные взгляды уголком глаза” (SI 312). Clues about the identity of Andriusha B. include the fact he “до девяти лет жил в ГДР, будучи сыном просвещенного человека, бывшего разведчика и личного друга Хонеккера”. Given all this info, someone with savvy and determination could track this fellow.

Sergei is upfront about the prototype of his short story, a fellow student he befriended in college, whose father was a KGB boss. His name is revealed in a footnote: “Прототип главного героя этого рассказа Андрея Друганова — Сергей Бобков, в то время — студент филфака, сын начальника 5-го управления КГБ Филиппа Денисовича Бобкова, занимавшегося борьбой с диссидентством и «идеологическими диверсиями». Сергей Бобков впоследствии стал поэтом и литературным администратором, получил премию Ленинского комсомола, в 1991 г. выступил на стороне ГКЧП, после чего всякие упоминания о нем исчезают из прессы.” (SI 539). This telling story appeared in the 2009 edition, albeit the personage behind the pseudonym remained there anonymous. Something must have happened between now and

then for this name to be divulged.

Many other names recurring through Abio are identified partially or cryptically. Боря Т*** who broke up with SI after the latter started his dangerous liaison with Aurora; Таня*** whose undies Sergei invaded blissfully; a fellow from Teheran named П*** renowned for his sexual prowess; Poet К*** warning Sergei on his visit to Prague about the KGB intrigues; a mutual acquaintance B. for whom Misha developed an attachment; a handful of students who showed up at the train station to bid goodbye to their friends leaving the country – Толя Курчаткин, П*** и З***. It is unclear which rule, if any, guides the anonymization process in Abio. Why are some characters branded by their full names while the identities of others are obscured? Sexually precocious Slava Porushkin was a lousy student, but surely this is not a sufficient reason to preserve his name for posterity. And what's wrong with revealing the name of "a Moscow neighbor residing in the same apartment house" who warned Sergei about the troubles he faced if he returned to Russia?

There is no consensus among my colleagues at the International Biography Initiative on this matter. Andrei Alekseev, a fellow IBI contributor and the author of a monumental four volume study *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*, insists on disclosing all names, especially if the person in question was aligned with the regime and did harm to the memoirist. I took a [different position](#). My concern was that a fellow engineer at an industrial plant where Alekseev took a job after resigning his position in the Academy of Sciences would have been mortified to read an unflattering account of herself. Were that woman's children to chance on this morose portrait of their mother, they would be upset too. Shouldn't kids be spared the embarrassment? And what if the encounters memorialized in Andrei's book turned out to be one-sided, if the antagonist remembers them differently? Memoirists often have the last word whatever the reliability of their recollections.

Abio offers several candid assessments of notable figures who crossed the paths with the authors. Yevgeny Evtushenko is one. Both of you single out the famous poet as an influence, and express ambivalence about his art and persona. A diary entree recalls Evtushenko's poetry reading: "«Хочу писать вот для таких старух, для девочек пускай другие пишут» — трепотня, поскольку все это читается тем же студенткам. Много сработано на скорую руку и держится на одном темпераменте" (ME 155). I noticed that this entree was not included in the 2009 Abio edition. Is this because Evtushenko was still alive then?

Sergei recites a hilarious incidence where the famous poet was hitting on his wife, "Евтушенко бежал по парижской рю за моей женой с криком: «А телефончик?!» . . . Я был вне себя от ревности и ярости" (SI 153). We'll never know what memories Evtushenko might have taken away from this encounter. But it might still be possible to find out how Aurora recalls this episode. Or more to the point, how she remembers the whirlwind romance and the eventual demise of her relationship with the dashing, talented Sergei. Surely, we could learn from this witness a thing or two unmentioned in the Abio.

There is little reason to doubt the general veracity of the accounts collected in the dual autobiography. The authors' judgment is balanced, self-critical. You, Misha, take pain to emphasize that "Потом, в XXI в., я познакомился с ним [Евтушенко] уже в Америке,

почувствовал его живым, теплым, уязвимым, вызывающим сострадание и удивление, но это уже другая история” (MI 156). Your take on Bitov, who is alive and well (I hope), is also measured: “Б. страшно талантлив, речь великолепна, заморозил, мысль течет планомерно и не поддается переложению и обработке. Разговорно агрессивен, все темы берет себе и на себя, крайне монологичен” (ME 76). Sergei is equally nuanced in his treatment of this writer who exerted early an influence on both of you (SI 69-75).

Nevertheless, it is worth reminding ourselves that few self-accounts are complete and unbiased. To maximize the validity of auto/biographical framing, [biocritical hermeneutics](#) urges auto/biographers to triangulate all available sources, entertain alternative scenarios, and query other participants of controversial events. Biocritique deploys “reverse editing” to test the certified accounts. This discourse analysis method starts with the authorized version of events/identities, gathers bits and pieces left out of the official presentation, and reconstructs alternative enforcements which augment and challenge the over-determined self-framings. Imagine co-writing an abio with your parents, children, spouse(s) – your favorite and not so favorite others.

* * * *

I have learned a lot about the authors from the dual Abio – times they lived through, places they grew up in, battles they waged with the world and themselves. Ample visual materials and diary entries reproduced in the book provide a multi-stranded view of two intersecting lives unfolding at a key juncture in Russia’s history. Acute and unsparing, your self-analysis speaks volumes about soviet society, and the human predicament in general. Your book is a study in self-memorialization styles, and as such, it especially appealing to students of autobiographical discourse like myself.

Both of you started your diaries at the same age, on the verge of 12th birthday (SI 132; ME 132-3. As most diaries, yours is a powerful instrument of self-mastering, or as Foucault would say, “taking care of self”. The agenda is self-improvement, weeding out the inferior strands of selfhood: “[P]ешил как следует за себя взяться. Писал обязательства и расписки самому себе” (ME 337 “Недоволен собой. Нарушил свои нормы общения. Много и дружески выболтал Эпштейну, врал и хвастал. О женщинах не вспоминать и не говорить. О работах тоже...” (SI 141). Routine entries offer a window on how the self emerges as an object in subjective experience and an agent in material world. Ambition behind the desire to keep a diary is evident from the start. Here is an entry from Misha’s diary dated January 10, 1962:

Я слышал по радио, что многие великие люди вели дневники. Я тоже решил вести дневник — может, буду великим человеком. А если нет, что ж, все равно пригодится, как дневник Анны Франк. А может быть, я напишу, когда стану взрослым, книгу по этому дневнику. А если не то и не другое, все равно интересно потом будет читать (ME 131).

A narrative element is strong in early entries filled with particulars and short on generalization. Situations are suffused with raw emotions, but the collision resolves itself quickly without

yielding an insight into oneself or the state of the world. Here is Misha recording the calamities that befell him on January 13, 1962:

Урок уже кончился. В коридоре был один наш класс. Ко мне стали приставать Репин, Адлер и мелкая сошка — Коршунов, Дубцов и др. Купцов — редкий наглец. Хотя он и не пристаёт, но я его ненавижу больше всех, и он меня, наверно, тоже. Как бы я хотел избить его, это проклятое, желтое, вытянутое, как огурец, лицо! ...Стал драться с Адлером, но разошлись. Дома было все обыкновенно. Я мылся в тазу (ME 132).

Sergei's earliest entrees included in *Abio* go back to 1964. Narration predominates here, the language evinces signs of writerly sensibilities. May 30, 1964:

Папа постучал в кабину шофера. Автобус остановился, и мы сошли, и пропустили его, прошел он мимо нас, пахнул теплым и бензиновым. Сразу стало тихо, светило солнце, освещало лес, шоссе и дорогу в лесу, по которой мы пошли, дорога между молодыми двадцатилетними соснами, дорога, которая вывела нас на огромную солнечную поляну, и мы пошли по мягкой дороге во ржи, мимо картофеля, к сараю, мимо перекладки с сеном и картофельного погреба к домику с голубыми наличниками, а во дворе уже собаки зашлись от лая, открываем щеколду, скрипят ворота, собаки молчат, и мы, узнанные собаками, входим, и старик идет через двор (SI 237)

As time passes, the diary entrees change their character, with judgment, generalization, and self-analysis taking more space and urgency. The need to take hold of one's agency weighs heavily on the shoulders of this 16-year-old diarist:

Когда ты уже прожил немного и твоя речь засорена, и уже она не твоя, ты стал, как другие. Если бы мне кучу новых слов, новых, как деревья после дождя! Микромир. Когда смотришь в траву; и так только один раз. Не повторяется такое. Муравей поволок травинку. Как бревно на 1-м Коммунистическом субботнике. Интересно, у муравьев какое классовое сознание... (SI 297).

The disgust with oneself intensifies, self-reflection becomes more sophisticated, evincing a familiarity with literary prototypes:

Состояние раздражения. Бросил книгу на пол, испугался, когда упала. Где-то внутри любовался и наслаждался бешенством. Однако — задело. Невозможно жить с близкими вследствие их пристрастности. Слишком долго я обманывался, считал, что любовь к иным людям равнозначна всепрощению, подчиненности или опеке. Все тебе судьи, но ты — один в мире, и никто не может приблизиться к тебе, ибо природа такова, что чем больше сближаем — тем сильнее чувство отталкивания. Да и кому, честно говоря, важен ты, твое я? Лишь бы жилось хорошо твоему телу, лишь бы тело было обеспечено и имело специальность. Какого же смысла слушаться? Если это послушание — подавление телом «Я», глубочайшего и сокровеннейшего! Надо самому, исключая любые советы опытных, то есть

подавленных жизнью, обтершихся, отвергая их, надо начать идти только своей тропой, сколько б ни отличалась она от навязанного и принятого. Только своей тропой идти (SI 297-8).

MI's penchant for philosophical reflection and self-generalization surfaces early on. At 14, Misha already started his metaphysical diary: "Из дневника. 16.12.1964. «В конце ноября написал несколько философских этюдов или заметок, не знаю, как это называется»" (ME 342). As philosophical disquisitions and generalizing self-assessments claim more space, the narrative component recedes:

Я чувствую в себе страшную энергию, которая ни в чем не может найти выхода. То, что я делаю, меня по большому счету не устраивает, но делать лучше я не могу. Больше всего на свете я хочу любить и быть любимым, и меня угнетает невозможность такой большой любви, когда можно было бы без остатка раствориться друг в друге, жить друг другом. Это какая-то болезнь духа, проистекающая от недостатка любви и любимости. Для меня телесная близость сама по себе необязательна, это несовершенное выражение страшной духовной жажды. Если было бы можно, я отбросил бы все свои руки и ноги и остался с одной душой, чтобы отдаться любви без препятствий, без разделений, без знаков собственности и принадлежности. Но куда мне деть свои руки и ноги, как обойтись без них, ведь без них мое существо не цело, и я не могу полностью отдать себя (ME 225).

Retrospective assessments are even less steeped in daily minutia. A reference to a specific event in Misha's memorialization quickly yields to the flight of essayistic imagination. Thus, a story about a violent outburst against the mice swirling under your feet resolves into a discourse about the restlessness of youth: "И дело, конечно, не только в мышах — это были годы каких-то надрывных, компенсаторных попыток стать «сверхчеловеком», от чего страдал я сам, как от спертости, духоты, замкнутости своего «я». Когда я читаю экзальтации Ницше: «почему я так умен», «почему я так силен» и т. д., — то порой узнаю это опь-Я-нение задержанной «яности», перехлестнувшей и за 30, и за 40 лет и в конце концов сломавшей его рассудок" (ME 485). Glances cast on the younger self from the vantage point of the present yield critical appraisals of one's maturing agency – verbal, social, sexual:

В юности я казался себе ужасно косноязычным и, перечитывая свои дневники до 19—20 лет, вижу, что так оно и было. Слова давались мне с трудом, я долго думал над каждым, и они не складывались в ясный жест или картину, а торчали в разные стороны, тупенькие, короткие, вялые. Я ходил по листу бумаги на ватных ногах, покачиваясь, с дрожью в коленках от сверхнапряжения каждого шага. С годами поступь твердеет, слова начинают выговариваться сами собой, очерчивая пластически внятный жест мысли. Очень трудно давалась мне эта наука: снять перегородку между мыслями и словами, писать так, чтобы это само собой, легко и вприпрыжку сбегало с пера (ME 302-3).

Sergei's reflections in his diary and post factum assessments are full of generalizations about himself and the state of the world, yet they retain a strong narrative form missing in Misha's reckonings. Certain entries are painterly in character, sort of проба пера, understandable in a budding fiction writer: "Минск. Впервые в жизни приснилась атомная война. 22 марта 1968. ...Я глянул в верхнюю часть окна и испугался: рядом с одиноко стоящим огнем, слишком ярким для звезды, двигался медленно еще один, он двигался около первого так медлительно, что я подумал равнодушно: вот летит ракета на нас; потом... понял, что это огонь на движущейся стреле подъемного крана..." (SI 54). Some sketches are ready to be absorbed into a novel or a short story:

1968, 8 марта. Станция Малая Вишера. 10-й час уже, как я сел на поезд в Москве. Я пишу за столиком в вагоне 3-го класса. С другой стороны, положив голову на руки и навалившись на стол, тонко храпит молодой мужик. За окном вьется снежок. Черные палки деревьев, черные вышки, черные пути. За косой линией серого снега бурые частые кусты, дома двухэтажные нижней половиной просвечивают через кусты, верхней — поднимаются над ними рядами окон, белыми скатами крыш, трубами. Вблизи от окна у вагона снег сухой, шершавый, местами в провалах следов. В соседнем отсеке собираются пить принесенное вино — поезд стоит долго, и они успели сбегать в вокзальный ресторан. — Пятерки как не было, — говорит голос молодого парня.

— Пятерки как не было, — говорит голос молодого парня.

...

— Я тебе говорю: допей, — и слышно: тот допивает.

Жующие звуки. Поезд трогается.

— Следующее Чудово будет. Чудово, — кричит, проходя, проводница (SI 366-7).

Political awareness comes to the fore early in the protagonists' self-seeking exercises. It is particularly painful for MI whose Jewish roots spelled trouble in a society with the strong anti-Semitic current. "Быть евреем было постыдно — как быть червем" (MI 145). The struggle to define oneself vis-à-vis oppressive soviet realities is emotionally riveting.

14 января 1968. Сегодня узнал о деле Гинзбурга. Я не волен совладать с тем чувством, которое вызвал процесс и приговор (7 лет). Гнусно, грязно, постыдно. Совестно. Как современно звучит Толстой: «Не могу молчать!» И мне хочется бежать к людям, где понимают, где возникает единство чувства и сострадания, к людям, которые не молчат (SI 113).

2.6.67. «Вчера вечером говорил с мамой о гражданственности. Она взволновалась: «Ты сумасшедший, ты не знаешь жизни, никому нельзя об этом говорить. Нельзя идти против большинства, тебя предадут, арестуют, посадят, ты погубишь себя и родителей, сломаешь себе всю жизнь. Одумайся, тебе всего 17, ты вырастешь и поймешь, что это бредни юности». Я же знаю только одно: жить нужно так, как сам считаешь нужным, а не как большинство; жить для высоких целей, для правды и

добра, для людей, всем своим существом воздействовать на бытие, не уходить от него в семью или науку, не бояться повернуть против течения — пусть хоть сильный всплеск будет!» (ME 111-2).

This struggle is familiar to all of us who lived through the 1960s in the U.S.S.R. The choice for the critically minded was between joining the dissident movement, opting for internal/external emigration, and seeking solace in professionalism. For you and Sergei the solution, before emigration emerged as a viable option, was consummate professionalism, to which the two of you committed as a middle ground between trying to reform soviet society and sinking into depression: “Но возник и третий путь, между идеалами и цинизмом: путь самоцельной, самодостаточной, профессионально-качественной, морально-ответственной работы в своей области знания и мастерства” (ME 308). “...Спасение от абсурда жизни — в литературе, в работе, в писательстве масштабном, с расчетом на долговременность книги” (SI 19).

A few years back, Misha, you sent me the manuscript *Transcultural Experiments* where I stumbled on the term “dissidentism” that you and Ellen Berry coined to describe the overzealous struggle with the soviet regime in the generation that came of age during the Khrushchev Thaw. The term elicited mixed feelings in me at the time. It reminded me of an encounter I had, shortly before I left Russia in 1975, with my friend Dania Dondurei and his acquaintance, a filmmaker (I think it was Pavel Lungin). The conversation revolved around the reasons for staying put and leaving the country. The filmmaker said something to the effect that professionalism is all he cares for, that a skilled artisan can drive his nails in with precision and authority wherever he lives. I asked him if he would mind driving his nails in “the coffin of imperialism”. The conversation dwindled soon after.

Так было у шестидесятников: целина, великие стройки Сибири, очищение партии, Ленин опять молодой, революция продолжается, через двадцать лет новое поколение советских людей будет жить при коммунизме... Мы, конца 1940-х — начала 1950-х гг. рождения, были, вероятно, первым поколением, которое совсем не очаровалось коммунизмом — и по той же самой причине не разочаровалось в нем, не пошло в диссиденты: послесолженицынское и послеевтушенковское поколение (хотя мой политикоз в 1966—1967 гг. еще был остаточным симптомом той генерации, но август 1968 г. разделался со всеми иллюзиями) (ME 307-8).

A rationalization might be at work here, a desire to explain to ourselves and the world why we opted for a stoic forbearance and professional excellence rather than for active resistance. I doubt that the dissident movement in the Soviet Union was a generational phenomenon, as you suggest. MI was born in 1950; SI in 1948; my birthday is April 3, 1947; and Senia Roginsky, my neighbor on the Basseinaya and a housemate on the Baltic Sea where our families summered together in the early '70s, was born in 1946 – not much generational difference here. Senia's interest in dissident scholarship and resistance was unmistakable from the start, and so was the commitment of many others in our age cohort who stayed behind while we had taken an exit route.

You are acutely aware of the compromises you had to make, Misha. The following fine-grain self-reflection proves that:

18.7.1973. Случайно встретился в трамвае с тетей Людой. Ей за 50, искусствовед, друг старых друзей нашей семьи. Мучительный разговор. Выяснилось, что я, в 23 года пишущий статьи по литературоведению для советских (а каких еще?) журналов, не располагаю ее к уважению. Поскольку своим поведением оправдываю существующий строй. ...Овладение профессией, вне отношения к режиму, дает человеческую и историческую свободу и меру вещей. Примиритель Пушкин больше борца Рылеева. ...Все равно стыдно. Не могу себя простить, что случайно ли, в шутку ли обмолвился про «волю народа», которая якобы свершилась в России в XX в. Но что же делать: возвращаться к моему диссидентству, когда мне стукнуло 16 лет? Или все же работать? Обидно, что почти чужой человек несколькими искренними фразами доводит меня до таких сомнений в себе. (ME 129)

The testimony both of you offer about the struggle to define yourself vis-à-vis the repressive regime is critical. Future historians of autobiographical discourse will be grappling with your testimony in years to come. Sergei's memories about the random violence he faced in Russia ring so true:

Однажды в Гродно, в 7 лет, мы с ребятами, перелезшие через забор на лесопилку, улепетывали от сторожа, чей крик преследовал меня и после того, как я благополучно этого избежал: «Поймаю, яйца оторву!» Слова такого я не знал, но догадался, что это имеет отношение к моему трехчлену, и был потрясен ужасом, которого избежал. Сомнений не было: поймал бы — оторвал. Вот тогда я прозрел насчет взрослого мира. Способного и оторвать, и разорвать, и съесть ребенка (IS 248).

And again,

Самое ужасное в насилии, это, во-первых, его внезапность, а во-вторых, необратимость посттравматического синдрома. Заводской район, который часто возникает в этой нашей «ЭЮ», встретил меня, 10-летнего, дракой с превосходящими силами дворовых зверенышей, радостно пустивших юшку новоселу. Но с этой повседневностью района предстояло жить и как-то справляться еще долго. А вот удар бичом... Рубец поперек лица через некоторое время зажил, но изумление осталось даже до сих пор: почему? За что? И откуда на такой скорости она поняла, что мальчик на обочине именно что безотцовщина? Только что записавшись в районную библиотеку имени автора «Как закалялась сталь» и набрав оттуда книг на все каникулы, я задержался на обледенелом углу, чтобы пропустить гужевой транспорт. По совершенно пустынной Долгобродской несся запряженный в телегу конь, которого нахлестывала стоящая на облучке старуха. Я был захвачен зрелищем не без удивления: мало того что этому в городе не место,

но бабка летела как на пожар. Поравнявшись со мной, она взмахнула бичом с криком ненависти: «У, байструк!» (SI 250).

This episode brought back memories of a blissful summer camp where I had a bike outing with fellow campers. As we were winding our way through the back roads, we spotted a country boy standing on the side, his hand extended to us in a friendly gesture offering some berries. No one cared to humor the boy. I thought it was rude of us pedaling on our fancy bikes past this less fortunate creature. So, I stopped and scooted over. And just as I approached the fellow, he slammed my face with his hand as hard as he could, turned around and ran away. Why?! Go figure. Random violence – physical, emotional, ideological – is still a recurrent nightmare I have about my homeland.

I savored the pages you devoted to coming of age as sexual beings. They are funny and moving, and indicative of the differences between the buddies, one mastering his sexual agency in an age-appropriate fashion, the other belatedly and awkwardly slouching toward sexual literacy.

Во втором полугодии 4-го класса девочки новой школы, изумленные, что новичок еще «не знает», долго надо мной издевались, но потом сжалились и нарисовали все, как есть: чернилами на лиловой промокашке. ...Первое любовное свидание; я пошел, сказав дома, что иду в библиотеку. Ровесница-брюнетка оказалась очень ничего — только с огромной грудью, которую к тому же обтягивал зеленый джемпер импортного вида. ...Под руку, разумеется, не брал, а о поцелуях и объятьях речи быть не могло после того, как мы вышли из парка на людный Ленинский проспект. Испытание продолжалось до моей трамвайной остановки. Я испытал облегчение, когда мы расстались. Больше она мне не писала. Возможно, разочаровал (SI 311, 408-9).

К тайнам пола я приобщался с чудовищным опозданием. Кажется, в последний раз я спрашивал маму, как рождаются дети, когда мне было уже лет 14, если не 15. Можешь себе представить? Здоровенный балбес, а все еще смутно представляет, откуда он сам появился на свет, и спрашивает о том родительницу. ...На первом курсе МГУ, познакомившись с тобой, я впервые узнал, чем занимаются настоящие мужчины, особенно в университетском общежитии, и приказал себе: «Будь наконец мужчиной!». Но мои попытки напустить на себя некую юношескую брутальность были столь жалки и искусственны, что скорее отталкивали, чем привлекали девушек, и ни одной из надежд на форсированные отношения с однокурсницами не суждено было сбыться. Если у меня есть причины сильно себя не любить, то на первом курсе они проявились сполна: я изо всех сил, напролом, пытался стать кем-то вопреки своей природе; это был вдруг запоздало прорвавшийся переломный возраст” (ME 309, 115).

Sexuality is an axis on which much of the early relationship described in the Abio hinged. Certain episodes and confessions have a homoerotic tinge to them:

Предусмотрительно не застегивая пальто, мы с грохотом сбегает по лестнице и внизу, в свете дома, блаженно мочеиспускаем в сугроб палисадника. Две струи

буравят освещенный снег. Какое чувство облегчения! При этом ты задаешь вопрос: «Как бы ты описал весь этот акт?» (SI 420-1).

Для мужской дружбы, да еще замешанной на слове, это священный момент — сопи́сание (ударение — вольное). Мужское мочесмешение. Соударение струй (ME 420)

Я чувствовал, как напрягало женщин твое молчание. Знакомые однокурсницы, филологини, интеллектуалки, — вдруг становились женщинами. В их присутствии я разговаривал, а ты молчал, вставляя слова изредка (ME 429).

Как ты писал недавно — Эрос остранения. Мысль становилась более подвижной, кровенаполнялась, эротизировалась. Поэтому наши тет-а-теты для меня были вполне конкурентноспособны randevу с девушками, а возможно, и превосходили (SI 429)

In your 1991 essay titled “Family and friendship”, Misha, you write about “the secret homosexual component of Russian culture” (В *России. Все эссе*, p. 224). In Russia, you observe, “гомосексуализм, если и не преследуется, то во всяком случае никак не пользуется общественной симпатией. ...Но при этом общество, столь настороженное по отношению к физиологическому гомосексуализму, само находится во власти социального гомосексуализма последний весьма усиленно разрушает те самые браки, чистота которых усиленно оберегается от всяких сексуальных ересей и экспериментов” (Ibid. 225). Does this intriguing hypothesis apply to the relationship described in the Abio?

It is remarkable how few quarrels the two of you had with each other, the only real raw was when Sergei snatched away your metaphysical diary and made you beg for return (SI 138). There are hints of an ambivalence, though: “Так или иначе, но ты, самый главный мой друг в Москве, ничего не сказал о смерти твоего отца — я узнал только пост мортем. Но и не приходил ко мне в больницу, где меня, потерявшего 2 литра крови, спасли осенью 1970-го” (SI 143). “За тобой я постоянно чувствовал такое «иное». Тебя неделями, даже месяцами не бывало на занятиях. Твое появление в аудитории бывало для меня радостным сюрпризом, но в промежутках — я не знал, что с тобой происходит. Я мог предположить, что ты уже в Питере, или в Минске, или на даче у друзей, или работаешь над новой вещью” (ME 144).

I sense some longing, unrequited feelings in these sentiments. Were there stretches of time where the two of you drifted apart? If so, they are not highlighted in Abio. Which raises the question of selection bias and self-sampling. The contrast between the narrative-driven and thesaurus-based inquiry is another issue that interests me as a student of autobiographical discourse. Let me briefly address some of the issues.

* * * *

Of all the diary entrees and theoretical asides in Abio, I chose a minute fraction for comments. Another reader would no doubt pick different scraps from the same treasure chest. When you went over your notes in preparation for Abio, you had to decide which items to include and

which to bypass, just as you had zeroed in on some events and ignored other when you sat down to write an original diary entree. Much of the “teeming, buzzing confusion,” as William James pointed out, escapes our attention. Such is the informational funnel which imposes the epistemological limits on our capacity to grasp objective reality in its entirety.

As abio co-authors, you raise no claim to representing things as they really are – only as you remember them. The picture you paint is filtered through your value-laden perception. You may further argue that a dual perspective you offer safeguards against outright misrepresentation. Granted that, you have been traveling in the same boat for a long time, your perspectives have been synchronized – entrained – emotionally, cognitively, philosophically. Hence, joint blind spots were likely to be formed.

To address the issue of selection bias, autobiographers must reduce self-sampling errors, i.e., to see which collisions in our life are oversampled (overcounted) and which undersampled (undercounted). Getting access to original documents is the first step in this process.

In Abio, I spotted only one facsimile reproduced in its original form – the 1972/2004 survey. This document raises few methodological issues (although for some reasons several questions in a 1972 went unanswered). More docs of this kind are needed, however, if we want to understand the editing practices you followed in selecting your source material.

Did you edit the wording of the original? What principles guided you when you omitted certain parts? Have you ignored or underreported particular events in your lived experience? Are there alternative perspectives on the same events recorded in the diaries? Did you attempt to verify reported facts, collect testimonies from other participants, joined issues with the antagonists? You might want to ask what is likely to go unnoticed in a typical biography of your age. (“[Я пушу] оставляя на своем я-полотне куски грубого, непрописанного холста. Может быть, для этих белых страниц еще нет на свете автора? или я его еще не нашел?” (ME 46)).

I remember being startled by an obscure story Aulus Gellius regales in his *Attic Nights*. It is about the amiable Plutarch, an imminent biographer, who ordered his slave to be flogged mercilessly because the slave dared to point out to his master that he forswears anger in his writings but loses his temper in real life. To prove his slave wrong, Plutarch allegedly resolved to show how long he can keep calm while his servants brutalized the impudent slave. Imagine how many cruel historical realities of this kind go underreported, leaving posterity with a distorted image of the past. As Туныанов put it, “Там, где кончается документ, там я начинаю”. Indeed, the document is when the inquiry begins, not ends.

The biocritical hermeneutic (BH) approach cautions against overbroad generalizations in autobiography. The thesaurus-anchored and philosophically informed auto/biography carries the risk of becoming schematic, or to use a Peircean term – diagrammatic. Birth and death, virtue and vice, love and hate, marriage and divorce, education and achievement – life preserved in such categories grows stale fast. That’s not what makes individual existence special. Philosophical generalizations remove us from the immediacy of lived experience, or as you put it yourself, “философия имеет дело с чистыми понятиями и сущностями, уже освобожденными от плотской изменчивости и многообразия, скинувшими свою земную

оболочку и приобщенными к вечности, как и душа, покинувшая свое бренное тело” (*Отцовство*, с. 16). Knowing what we have in common is important, but so is what draws us apart, what makes us unique and resistant to typecasting. Philosophy, especially of the idealist variety, tends to gloss over the chaotic properties pervading the universe, contradictions and inconsistencies endemic to our embodied existence. For a Platonically-minded autobiographer, biographical being predates biographical existence. Long before the agent sets out to frame its personalized being, impersonal bio forms have been at work informing our self-objectivations. You probably wouldn’t claim with Plato that these forms are eternal – biographemes evolve over time, metaphors capturing our experience are historically specific. Still, the thesaurus-driven inquiry goads us to look past the minutia of everyday life and grasp the ready-made vocabularies pervading our consciousness – the lovers’ discourse, the self-improvement paradigm, the hero-worshipping archetype, the budding genius myth, and so on. Some observers are better at spotting a priori bio forms than others:

Но может быть, некоторые люди мыслят и чувствуют не событийно, а именно словарно, суммарно: вдумываются в сущность юности, в смысл любовных переживаний? И тогда «жизненная сумма» таких людей будет состоять не из историй «как это было», а из пониманий того, как это бывает: из таких биограмм — жизнеописательных и жизнемыслительных единиц, как «юность и любовь», «юность и стыд», «юность и одиночество», «первый заработок», «первое предательство»... Опыт и сознание выстраивают картину жизни из таких надвременных, надсобытийных категорий — образов, понятий, — которые уподобляют ее не повествованию, а энциклопедии. И тогда становится выразимо то, что невыразимо в жанре повествования. 569-7.

The narrative and biogrammatic approaches are complementary, you rightly stress, each specializing on a specific life dimension. “Если нарратив — это временной срез жизни в последовательности ее событий, то тезаурус — это континуум событий, одновременно предстоящих сознанию, где содержание жизни развернуто в виде всеобъемлющего «каталога» людей, мест, книг, чувств и мыслей...” (ME 571). Which tack one favors depends on the individual. “Точно так же есть и личности нарративного и тезаурусного склада. Во время общего застолья одни сыплют бесконечными историями, анекдотами, случаями из жизни. Другие делятся мыслями и взглядами и выясняют отношение к ним собеседника. Как правило, нарративные личности легче привлекают к себе внимание, становятся душою общества; тезаурусная личность склонна скорее к персональному или профессиональному разговору, предмет которого — не частные случаи, а картина мира” (ME 574).

You cite no model autobiographical narrative, Misha, but I suppose most abios would fit the bill. Your favorite examples of thesaurus-minded approach are Montaigne’s *Essays* and Nietzsche’s *Esse Homo*. I see why you admire the man who said, “I have painted my inner self with colors clearer than the original ones. I have no more made my book than my book made me – a book consubstantial with its author, concerned with my own self, an integral part of my life.” But Montaigne also wrote this:

...[A]ny one who turns his prime attention on to himself will hardly ever find himself in the same state twice. ...Every sort of contradiction can be found in me, depending on some twist or attribute: timid, insolent; chaste, lecherous; talkative, taciturn; tough, sickly; clever, dull; brooding, affable; lying, truthful; learned, ignorant; generous, miserly and then prodigal – I can see something of all that in myself, depending on how I gyrate; and anyone who studies himself attentively finds in himself and in his very judgment this whirring about and this discordancy. There is nothing I can say about myself as a whole simply and completely, without intermingling and admixture. The most universal article of my own Logic is DISTINGUO.

There are plenty of ambiguities and contradictions in Montaigne's evolving self-appraisals, which make it difficult to identify him unambiguously as exponent of the thesaurus-based biography. The author of *Essays* praised Diogenes Laertius' philosophical biographies and lamented the fact that so few books on philosophy take seriously the philosopher's mundane existence. Which didn't prevent him from declaring, "I expose myself entire: my portrait is a cadaver.... It is not my deed that I write down; it is myself, my essence."

Nietzsche was also fond of Diogenes Laertius' bios philosophicus, which clued him to the mundane motives behind the flights of philosophical fancy. "That reflecting on the human", he wrote in *Esse Homo*, "is among the expedients by means of which we can alleviate the burden of living, that practice in this art lends presence of mind in difficult situations, that one can, indeed, pluck useful maxims from the thorniest and most disagreeable stretches of one's own life and thereby feel a little better: that was believed, that was known – in former centuries". For all the praises he heaped on biography, Nietzsche was unreliable as an auto-biographer. You wouldn't know from his teaching on resentment how the author of *Zarathustra* diligently climbed up the academic ladder, how much he longed for public recognition, how he couldn't summon courage to act on, or even acknowledge, his special sexual needs.

One more telling example of a strictly anti-narrative autobiography is Pierre Bourdieu's *Sketch for Self-Analysis*. In it, a renowned sociologist lays out his life with barely a narrative sequence. He casts his life story as a function of French class society and academic credentialism. A son of a low-level state employee, Bourdieu struggled to pull himself up against the established order that favored the elite, the offspring of propertied and knowledge-producing classes. Through sheer grit he rose to the pinnacle of academic and intellectual hierarchies, upending some longstanding traditions and founding his own school. Bourdieu doesn't bother to answer critics charging him of being a vindictive person who made life miserable for his students and derailed some promising careers. Rather than offering a straightforward narrative of controversial events and defending his actions, Bourdieu chose to inhabit a rarified world of sociological theory where he could dismiss criticism without getting down to the dirty particulars and appealing, instead, to impersonal social forces and the general tenor of the time.

Your autobiographical stance is different, Misha. There is plenty of life episodes lending emotional substance to your self-portrait. You may shy away from certain narrative details Sergei is so apt to bring up, but you are the first to own up to your shortcomings as a narrator: "выстраивать события во времени, в последовательности действий было для меня обузой,

наценкой на философский замысел. Образы у меня подчинялись понятиям, я исходил из идей и конструкций” (ME 300).

I am with you when you say, “Огромная часть человеческого опыта, как личного, так и социального, остается неизвестной из-за преобладания нарративных приемов и неразработанности тезаурусных полей. ... Разработка иных методов ее описания могла бы наполнить смыслом и словом жизнь миллионов людей, нарративно немых, обладающих другим, тезаурусным опытом ее постижения” (ME 578). We do things with words, and words have a therapeutic value (logotherapy is based on this premise). Indeed, mastering symbolic media can improve anybody’s life situation (it even helps some people get laid). Still, “life in a thesaurus” differs from “life in the flesh” in that the former can serve as a tranquilizing substitute for action. There is no substitute for getting down to pesky details and narrating what really happened, and doing so in a manner protective of other people’s dignity.

One last point. The distinction you draw: “низшая ступень — разговор о вещах; средняя — разговор о событиях; более высокая — о людях; высшая — об идеях, понятиях” (ME 575), strikes me as invidious. These discursive forms are coeval in importance. We should resist the proclivity of reason armed with privileged vocabularies to efface the emerging bio forms. Our narrative stories clue us to obscure facets of existence and potentialities of being struggling to come to language amidst arid abstractions and vapid generalities. So, let’s welcome them into our world and keep updating our vocabularies.

* * * *

We have been trading thoughts and research papers for years, Misha. One early debate, if you recall, was posted on the CDC web site in 1996, with the 1997 follow-up, “[The Shalin-Epstein exchange on Russian postmodernism.](#)” We met in a Seattle for a panel on silence at the Slavic Association’s meeting in 1997. In a runup to the [Third Nevada conference on Russian culture and Russia art festival](#), we exchanged more epistles on the range of issues related to apophatic ascetism, conceptualism, and kindred matters. Plans were laid down to collect the works presented at this gathering, including your study “The Demonic, the Apophatic, and the Secular in Russian Culture”, in a second volume of a series started with the publication of [Russian culture at the crossroads](#). The project fizzled out after the Westview Press was acquired by another publisher. Fortunately, you managed to bring out your study as a book, [Russian spirituality and the secularization of culture](#).

As I look back at our correspondence, I realize that we contemplated something akin to dual abio. In 2006, we began talking about the possibility of carrying out a dialogue focused on our shared interest in autobiography. The earliest reference I can find seems to be my email dated December 5, 2006. “In addition to that, you and I can start an internet dialogue mutually exploring our biographies, probing each other’s autobio narratives. This will not be ‘parallel biographies’ of the classic era, but a new genre – ‘co-biographical exploration,’ ‘cobio project,’ CBO, CBio of what not”. In response you wrote, “I am really tempted to participate in your project. I think it would be good for us to discuss the theoretical issues of autobiography using

the examples of our own lives. Another possibility is an experiment in comparative biography, cobio.”

In a postscript to my next letter I suggested, “One more possible title for the project we think about is ‘Biolog,’ ‘CoBiolog,’ or something along those lines. This is a way to distinguish the IBI focused text from the traditional ‘blog’ moniker.” Which prompted your reply, “Yes, cobio, or duobio, or diabio, or autobiolog, is an interesting genre, I wonder if it was ever used in autobiographical dialogue (rather than in objective comparative descriptions, like in Plutarch).” On December 30, 2006, you reached out to me, “Perhaps we start our biodialogue after I return from NY? Or when would be convenient for you? It does not to be intensely paced.”

Two years passed, and on January 1, 2009, I brought up the idea again, “If you recall, we were talking about starting “biologues” to explore our mutual biographical trajectories. Maybe someday we can give this idea a chance”. To which you replied three days later, “I remember well our project on biologues, and I would be happy to resume our discussion as soon as you find time for it.”

Nothing came out of this project, as my duties as department chair and other obligations (excuses, excuses!) took precedent. Fortunately, you found a more reliable partner. The project came to fruition, albeit with a different cast of characters, [Encyclopedia of youth](#). The two of you have done a wonderful job, moving the idea way past what you and I had envisioned.

Meanwhile, I kept pushing the project of biocritical hermeneutics, writing [fourteen theses on biocritical hermeneutics](#) (see appendix with the latest version). The work was spurred by the creation of the online repositories, [International biography initiative](#) and [Erving Goffman Archives](#), which collected documents and interviews with Russia and American social scientists. Drawing on these data bases, I published a programmatic article “[Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics](#) (2007), followed by “[Hermeneutics and Prejudice: Heidegger and Gadamer in Their Historical Setting](#)” (2010), two special journal issues, [Erving Goffman: Biographical, Historical, and Contemporary Perspectives](#)” (2014) and “[Goffman in Las Vegas: Gambling, Fatefulness, and Risk Society](#)” (2016). A few studies in Russian came out as well, “[Феноменологические основы теоретической практики: биокритические заметки о Ю. А. Леваде](#),” “[Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью](#),” “[В поисках нарративной идентичности: к диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина](#),” “[Из диалогов Владимира Ядова и Дмитрия Шалина](#)” (see the list of selected publications below).

One other exercise in biocritical hermeneutics (or so I look at it) is my [Leningrad-St. Petersburg slide show](#) that I recently posted in the [CDC video library](#).

There is much we can learn from each other, Misha, and I hope we shall continue our productive interchange. The next opportunity is a special issue of *The Russian Journal of Communication* titled “Russian Intelligentsia at the Crossroads: Political Agendas, Rhetorical Strategies, Personal Choices.” The team of scholars and intellectuals committed to this project is growing. It now includes Natasha Ivanova, editor of *Znamia*; Lev Gudkov, director of Levada Center, Leonid

Gozman, Union of Right Forces, Aleksander Zholkovsky, UCLA. I haven't been able to contact Boris Akunin, Dmitry Bykov, and Victor Shenderovich, but will send them an invitation as soon as I find their addresses. I very much hope you can join forces with us, Misha, write a paper and attend the Fourth Nevada Conference on Russian Culture planned in connection with this symposium.

Yours, Dima

Dmitri N. Shalin
Professor and Director
UNLV Center for Democratic Culture

Tel.: 702.895.0259
Fax: 702.895.4800
Email: dmitri.shalin@unlv.edu
<https://www.unlv.edu/people/dmitri-shalin>

Biocritical Hermeneutics and International Biography Initiative

Selected Publications

- “Goffman in Las Vegas: Gambling, fatefulness, and risk society.” Special issue of *UNLV Gaming Research & Review Journal*, Vol. 20, No. 1, Spring 2016. Edited by Dmitri N. Shalin.
- “Erving Goffman: Biographical, historical, and contemporary perspectives.” Special Issue of *Symbolic Interaction*, Vol. 37. No. 1. Spring 2014. Edited by Dmitri N. Shalin.
- “Extended mind and embodied social psychology: Contemporary perspectives.” *Society*. Vol. 54, No. 3, pp. 279-290.
- “Extended mind and embodied social psychology: Historical perspectives.” *Society*. Vol. 54, No. 2, pp. 171-186.
- “Erving Goffman, fateful action, and the Las Vegas gambling scene.” In *Goffman in Las Vegas: Gambling, Fatefulness, and Risk Society*. Special issue of *UNLV Gaming Research & Review Journal* 2016, Vol. 20, No. 2, pp. 1-38.
- “On being human in an inhuman world: Remembering Vladimir Yadov,” *Global Dialogues* 2016, Vol. 6, No. 2, pp. 20-22.
- “Из диалогов Владимира Ядова и Дмитрия Шалина.” *Вестник общественного мнения*. 2015, Vol. 19, No. 3-4, pp. 194-219.
- “Making the sociological canon: The battle over George Herbert Mead’s legacy.” *The American Sociologist*, 2015, Vol. 46, No. 4, pp. 313-340.
- “Interfacing biography, theory, and history: The case of Erving Goffman.” In *Erving Goffman: Biographical, Historical, and Contemporary Perspectives*. Special Issue of *Symbolic Interaction*, 2014, Vol. 37, No. 1, pp. 2-40. Edited by Dmitri N. Shalin.
- “Goffman on mental illness: ‘Asylums’ and ‘The Insanity of place’ revisited.” In *Erving Goffman: Biographical, Historical, and Contemporary Perspectives*. Special Issue of *Symbolic Interaction*, 2014, Vol. 37. No. 1, 122-144. Edited by Dmitri N. Shalin.
- “Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью.” *Телескоп*. 2012, No 2, pp. 8-17.
- “Проблемы этики натурального эксперимента.” *Телескоп*. 2012, (92) No. 2, pp. 14-16.
- “Как внутренний иммигрант, я все время жил в закрытой стойке.” Рр. 34-54, Линн Виссон и Василий Арканов, *Шестидесятник, которого не услышали* (Москва: Р. Валент, 2012).

- “В поисках нарративной идентичности: к диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина.” *Телескоп*. 2011, No. 3 (87), pp. 13-23.
- “Борис Грушин и Наталья Карцева: невозможность жить в советском обществе.” Pp. 112-130, *Открытая книга*. Т. 2. (Москва: Издательство Московского университета, 2011).
- “Encounters with Merton,” pp. 179-181 in *Sociology of Science and Technology. Special Issue on the Occasion of 100th Birthday of Robert Merton* (St. Petersburg: Russian Academy of Sciences, 2011).
- “Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз: Интервью с Игорем Коном.”” *Социологический журнал*, 2011, No. 2, pp. 100-137.
- “Hermeneutics and prejudice: Heidegger and Gadamer in their historical setting.” *Russian Journal of Communication*. 2010, Vol. 3, No. 1-2, pp. 7-24 (html).
- “По мере созревания нравственная конфронтация становилась политической: беседа с Андреем Алексеевым, Олегом Божковым, Галиной Саганенко, и Леонидом Кесельманом.”” *Телескоп*. 2010, Vol. 82, No. 4, pp. 1-13.
- “Феноменологические основы теоретической практики: биокритические заметки о Ю. А. Леваде.” *Вестник общественного мнения*. 2008, No. 4 (96), pp. 70-104.
- “Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой.” *Социологический журнал*. 2008, No. 1, pp. 126-154.
- “Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе: Интервью с Юрием Левадой.” *Социологический журнал*. 2008, No. 1, pp. 155-174.
- “Галина Старовойтова и Валерий Голофаст. Беседа о русской интеллигенции.” *Телескоп*. 2008, Vol. 5, No. 1, pp. 18-24.
- “Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics.” *Sociological Theory* 25 (Fall 2007): 193-224.

Appendix

Тезисы к Концепции Биокритической Герменевтики

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_bh_theses.html

Дмитрий Н. Шалин

1. Биокритическая герменевтика находит свой предмет на пересечении биографии, культуры и теории. Она изучает эмоционально-соматическую составляющую дискурсивных практик, воплощение знаков в индивидуальном бытии, (рас)согласование слова, дела и аффекта в жизни исторических субъектов, и роли (авто)биографического нарратива в накоплении и передаче опыта культуры.
2. Герменевтика бионаратива исходит из того, что всякое событие разворачивается на перекрестке перспектив, что неотредактированной реальности не существует, и что привилегированная редакция дает нам не вещь в себе, а ее социально-историческую форму существования. В то же время биокритическая герменевтика отвергает скептическую деконструкцию с ее отношением к объективной реальности как фикции. Ее цель – практическая реконструкция объективной реальности как в ее дискурсивных, так и в ее аффективно-соматических и деятельностно-воплощенных формах.
3. Биокритическую герменевтику отличает бережное отношение ко всем редакциям, систематическое сопоставление альтернативных версий с помощью метода обратного (реверсивного) редактирования, внимание к процессам конфабуляции и (само)выборки в бионаративной практике, нацеленность на воплощение-развоплощение-перевоплощение как взаимоконституирующих аспектах объективной реальности, осознание интимной связи перестройки с перенастройкой расстроенного сознания, и озабоченность практическими последствиями редакционной политики, заложенной в основах бытия.
4. Биокритика ставит вопрос о репрезентативности выборки событий, вошедших в бионаратив. Независимо от поставленной задачи, биографу и автобиографу приходится отбирать биофакты, и здесь возможны систематические ошибки, связанные с недоучтенными (undersampled) и сверх-представленными (oversampled) событиями/свидетельствами. Там, где биовыборка и самовыборка может считаться репрезентативной, встает вопрос о стохастической природе личности, о жизненном векторе и мере идентичности человека.
5. В центре внимания биокритической герменевтики соотношение дискурсивных, эмоциональных и поведенческих индикаторов. Рассогласование между этими знаковыми системами – онтологическая данность бытия, а преодоление кроссмедийных противоречий – основа этической жизни личности. Биокритическая герменевтика изучает

(рас)согласованные формы само-объективации и меру (не)идентичности субъектов истории. Ее общая установка держаться ближе к телу, акцентировать эмоционально-окрашенное, и рассматривать вербально-символический ряд как развоплощенное действие, а поведение (conduct) как семиотическую проводимость (conductivity) тела, опущенного в историю, насыщенного идеями своего круга, и воспроизводящего индивида в его родовой целостности и биосоциальной неповторимости.

6. Античные биографы выделяли три области человеческого существования, на которых базируется жизнеописание – *vita activa*, *vita contemplativa* и *vita voluptuosa*. Духовная жизнь человека достаточно хорошо отражена в его письменах. Хуже дело обстоит с поведением и деятельностью человека, и совсем плохо с эмоциями, страстями, плотскими отправлениями. Жизнь плоти – деликатный предмет для биокритика, поскольку он затрагивает табуированные стороны жизни человека. При обсуждении вопросов такого рода следует руководствоваться принципом значимости – связи биофакта с общими задачами исследования и его роли в понимании объекта биокритического исследования.

7. Центральной для биокритической методологии является проблема источников биореконструкции. Разноголосые документы – архивы, мемуары, интервью, дневники, переписка, автобиографии – расширяют возможности триангуляции, сопоставления воспоминаний разных участников событий. Когда значительная часть документов отсутствует или недоступна биокритику, с особой остротой встает вопрос о природе лакун и тенденциозности доступных документов. Невозможность отреверсировать существующие редакции смещает акцент интерпретации с личной герменевтики автора к общей редакционной политике времени и культурных стандартов социальной ниши, в которой он находит свои истоки.

8. Биографическое событие становится бионаративным фактом по мере осмысления в семиотических формах эпохи. Сам процесс перехода со-бытия в нарративный факт проблематизируется в биокритике. Биографемами своего времени исследователь сопоставляет с бионаративными формулами “иного мира”, и тут возможны две крайности: презентизм, связанный с тенденцией проецировать сегодняшние стандарты на прошлое, и историцизм, отрицающий трансисторические процессы и кумулятивный характер бытия. Наложение биостандартов и (не)сопоставимость бионаративных практик – предмет биокритического осмысления.

9. Биокритическое изыскание завязано не только на биографию исследуемого, но и исследователя. Тут мы имеем дело с двойной герменевтикой – субъект и объект познания встречаются в виртуальном пространстве и ведут друг с другом скрытый, а иногда и открытый, диалог. При этом встает вопрос о сверхзадаче биокритика и автобиографии, о том, должен ли биокритик открыть собственные архивы, и если да, то когда. Исследователь, посвятивший себя изучению архивов других людей и времен, отвечает за сохранение документов своей эпохи, включая собственные архивы.

10. В изучении архивных материалов недавнего прошлого мы нередко сталкиваемся с

нежеланием персоналий или наследников быть объектом изучения, с отказом в доступе к архивам, с требованием исключить неудобные факты из рассмотрения. В распоряжении биокритика могут оказаться нелицеприятные материалы, касающиеся третьих лиц. В этой связи возникает вопрос о границах такта в биокритических исследованиях. В решении этого вопроса биокритик опирается на тезис Вольтера, “К живым мы должны относиться с уважением, мертвым же мы обязаны только истиной”. При этом понятие истины вводится в контекст редакционной политики времени, связывается с этическими горизонтами эпохи и трансисторическими особенностями дискурса и практики познания истинно(стно)го.

11. Человек владеет собственным архивом и может распоряжаться им по своему усмотрению, но он не хозяин своей репутации и не имеет права на желаемое мнение о себе других людей. Полезно сравнить наши представления о репутации и способах ее валидации с практикой иных культур и народов. Опыт канонизации в религиозных конфессиях (приобщение к лику святых) и других жизненных сферах может прояснить роль парадигматического биоархива в сохранении исторического опыта. Изучение античной биографии и автобиографии (Сенека, Плутарх, Августин) представляет особый интерес в этом отношении.

12. Биокритическая герменевтика изучает взаимосвязь биографического корпуса и творческого наследия автора. Общее направление научного поиска определяется доминирующими парадигмами и комплексом обстоятельств во многом независимых от ученого, но конкретное решение – и это особенно касается талантливых ученых гуманитарного профиля – отражает настроение и опыт исследователя. Если быт писателя подпитывает литературный процесс, а личный опыт гуманитария/обществоведа влияет на процесс научный, то возможны параллели между литературоведением и науковедением. Интересны в этом отношении работы Тынянова, Шкловского и других представителей этой школы, чьи идеи могут быть взяты на вооружение биокритиками.

13. Биокритика ищет ключ к социальной реконструкции во взаимодействии разума и аффекта, в диалектике воплощения-развоплощения-перевоплощения как взаимоконституирующих аспектах объективной реальности. Эмоциональные деформации человека являются продуктом его исторического бытия, но его настроения в свою очередь тормозят развитие демократических институтов. Если наши настроения определяют историческое бытие, то перестройка общества возможна только как одновременная трансформация эмоциональной, деятельностной и дискурсивной практики людей данной эпохи.

14. Демократические институты не прививаются там, где исторически настроенная соматика замешана на нетерпимости, чванстве и жестокости. Авторитаризм и автократия лишаются питательной почвы, когда интеллект начинает ощущать себя эмоционально здоровым, а эмоции становятся интеллигентными. Изучение аффективно-соматической инфраструктуры общества и редакционной политики бытия, способствующей становлению эмоционально-интеллигентной демократии – задача биокритической герменевтики.